

К. В. Чистов

ЭТНИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ, ЭТНИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Общая теория этноса и этнических процессов стала разрабатываться советскими этнографами сравнительно недавно. Читателям «Советской этнографии» хорошо известны статьи Ю. В. Бромлея, В. И. Козлова, Н. Н. Чебоксарова, Л. В. Хомич, В. В. Покшишевского, Ю. В. Арутюняна, М. Н. Губогло и других авторов, появившиеся на страницах журнала в 1967—1971 гг. и затронувшие весьма важные теоретические вопросы¹. И все же до сих пор не возникло достаточно отработанной системы терминов и понятий, не выработалась необходимая однозначность их употребления. Кроме того, в большинстве статей почти не затрагивались проблемы духовной культуры.

В связи с этим нам представляется полезным подвергнуть рассмотрению некоторые термины и понятия («этнос», «этническая общность», «этнические признаки», «этническое сознание», «этнические процессы» и т. д.) в приложении к специальному кругу проблем духовной культуры, понимаемой как один из объектов этнографического изучения. При этом мы не будем здесь останавливаться на уже предлагавшихся формулировках ради позитивного изложения взаимосвязи, которая может быть обнаружена между этими терминами и понятиями на современном этапе развития теоретических воззрений советских этнографов. Мы предполагаем при этом, что читатель, внимательно следящий за ходом дискуссии, легко различит наши попытки обобщить уже высказывавшиеся идеи и некоторые новые мысли, содержащиеся в статье.

О длительности истории этносов и о сложности их генезиса, который обычно представлял собой процесс внутренних и внешних перегруппировок этносов или их составных частей, свидетельствует то, что подавляющее большинство существующих этнических общностей неоднородно в антропологическом отношении. Именно поэтому этнические категории, как правило, не совпадают с категориями антропологическими. Однако объективная сложность этногенетических процессов не мешает людям, причисляющим себя к отдельным этносам, считать, что им свойственна общность происхождения или, по крайней мере, сродство, они — «соплеменники», члены одной общности — народа. И все же этнос — не только категория человеческого сознания. Возникнув под влиянием объективных (экономических, социальных, политических и т. д.) причин, этнос существует столь же объективно, как и причины, его создающие. Субъективен (в том смысле, в каком субъективным может быть процесс выработки коллективного сознания) только способ осознания общности, т. е. осмысление экономических, социальных, политических, религиозных и т. д. связей как связей этнических, как связей по родству или по происхождению. Поэтому под «этносом» («этнической общностью», «народом»), по нашему мнению, следует понимать исторически сложившуюся и относительно устойчивую социальную общность, которая, однако, осознается

¹ См. журнал «Сов. этнография», 1967, № 2, 4; 1968, № 1, 4; 1969, № 2, 5, 6; 1970 № 1, 3, 6; 1971, № 6.

людьми, причисляющими себя к ней по рождению, прежде всего как общность внесоциальная.

Подобная форма осознания социальных связей оказывается возможной прежде всего потому, что они обладают относительной устойчивостью и, с другой стороны, потому, что каждый вновь родившийся член этноса застает их уже существующими, как бы наследует их от родителей, по рождению оказывается принадлежащим к тому или иному народу (этносу). Более того, как бы ни был сложен или неоднороден тот или иной этнос по происхождению, однажды сформировавшись, он выделяет себя тем самым из окружающей среды, и если и не становится просто эндогамным, то, по крайней мере, приобретает тенденцию к эндогамности и тем самым к относительной антропологической однородности (пусть и не первичной!).

Совершенно аналогично этому формирующийся или уже сформировавшийся этнос стремится к выработке относительной однородности и в культурно-бытовой области, к обобщению локальных форм культуры и их социальных вариантов или, по крайней мере, к осознанию их общих черт как специфических, а различий — как несущественных или же допустимых в рамках этнического единства.

Существование этнической общности и ее историческое развитие предполагает наличие (и соответственно историческое развитие) внутри-этнических связей, объединяющих людей, причисляющих себя к ней. Известно, что эти связи могут выражаться в осознании общности происхождения и исторической судьбы, общности языка и связанных с языком форм мышления, обрядах и обычаях, традиционных формах материальной и духовной культуры (и смене их), традиционных формах социальной организации (и смене их) и т. д.

Очень важно, что этнические связи в классовом обществе не развиваются самостоятельно. Они — производное (или один из аспектов) связей экономических, социальных, политических, культурно-бытовых. С другой стороны, этнические связи и этническое самосознание, коль скоро они возникают и существуют, имеют свои внутренние закономерности и типичные формы и оказывают в свою очередь влияние на другие формы социальных, экономических, политических и других связей.

И наконец, этническое сознание является одной из форм социального сознания наряду с классовым (сословным), государственным, локально-географическим, конфессиональным, расовым, профессиональным и другими формами сознания и с ними не только сосуществует, но и непрерывно взаимодействует, возникает из них или в них переходит (трансформируется); в отдельные периоды истории того или иного народа (этноса) оно может совпадать с ними или им противопоставляться². В связи с этим, наряду с общностями, которые можно охарактеризовать как этнические, сосуществуют и подчас не менее важную роль играют общности этнолингвистические, этносоциальные, этнорелигиозные, этнокультурные, локально-этнические и т. д. Они соотносятся как пересекающиеся окружности, границы которых не совпадают ни друг с другом, ни с социальными границами.

Этнические общности формируются под влиянием определенных социальных причин на определенной территории и охватывают все или (если этническая общность находится в процессе формирования или дробления) часть социальных слоев или локальных групп, составляющих в своей совокупности социальный организм (племя, союз племен, государство или один из народов, входящих в состав государства).

² Так, например, можно было одновременно быть и одновременно осознавать себя рыбаком, государственным крестьянином, батраком, помором, жителем Зимнего берега Белого моря, северянином, русским, подданным Российской империи, европейцем, православным (или старообрядцем) и т. д.

Вместе с тем, этнос осознается как общность не только внесоциальная, но и одновременно как надсоциальная (суперсоциальная). Он осознается как общность культурно-бытовая, причем тоже надсоциальная, охватывающая будто бы все слои социального организма (так называемый образ жизни, свойственный этносу и проявляющийся в различных социальных (сословных), возрастных, профессиональных и т. д. вариантах). Таким образом, какова бы ни была степень социальной и культурно-бытовой дифференциации того или иного общества, этническая общность внешне выступает как группа людей, действующая на определенной территории, осваивающая или эксплуатирующая определенную природную среду, коллективно противостоящая этой среде. Однако остановиться на этом при определении «этноса» или отрицать объективность всех других его показателей значит, по существу, стричь социальную и историко-культурную природу этноса или, как говорил А. М. Горький, «вторую природу».

В процессе освоения среды этнос создает свою культуру в широком смысле этого слова, т. е. традиционные, но вместе с тем исторически меняющиеся способы добывания средств существования, традиционную материальную и духовную культуру, определенные социальные отношения и систему социальных коммуникаций.

Относительное единство и относительная устойчивость этноса могут выражаться в многочисленных и многообразных по своему характеру и форме языковых, антропологических, психологических и культурно-бытовых особенностях, т. е. так называемых «этнических признаках», отличающих данный этнос в тот или иной исторический период от других этносов, и прежде всего от тех, с которыми он непосредственно контактирует.

Проблема характера и значения этнических признаков (по другой терминологии «этнических определителей») в советской этнографической литературе разработана недостаточно. На наш взгляд, очень важно различать два аспекта.

С одной стороны, для того чтобы этнос существовал как целое, минимально необходима хотя бы относительная устойчивость социального организма, в рамках которого он существует, хотя бы относительная общность территории, общий язык (который вместе с тем может распадаться на близкие или родственные диалекты) и хотя бы минимальный набор примерно общих черт психического склада и культуры³.

С другой стороны, этносы отличаются друг от друга в одних случаях целым комплексом устойчивых и взаимосвязанных признаков, образующих определенную структуру, в других случаях даже одним определяющим признаком. Хорошо известно, что процесс национальной консолидации, характерный для позднефеодального, капиталистического и социалистического периодов и происходивший или происходящий во всех районах земного шара, вместе с тем парадоксальным образом сочетался (и сочетается) со значительной активизацией межнациональных экономических и культурных связей и, что особенно важно, постепенным переходом от локальной замкнутости, характерной для натурального хозяйства докапиталистического периода, к развитым торговым связям и к современному широкому потреблению продуктов индустриального производства и, как следствие, уменьшением количества этнодифференцирующих признаков, нивелировкой ряда отличий материальной и духовной культуры, еще недавно столь ярко отличавших этносы (ср., например, унификацию одежды и жилища в пределах широких районов, падение

³ Насильственно отнятая или исторически разреженная территория, распавшийся социальный организм, ослабление связей между диалектами и т. д. при сохранении этнического самосознания могут какое-то время не препятствовать существованию этноса. Однако и в этом случае предполагается наличие перечисленных выше минимальных условий в относительно недавнем прошлом.

значения религиозных отличий, выравнивание современных форм профессиональной литературы, искусства, науки и т. д.).

Разнообразие современных этнических ситуаций таково, что даже самое поверхностное их обозрение позволяет сделать вывод: любой из признаков этноса, который обычно фигурирует в перечислениях (общность языка, территории, экономических связей, культурного уклада, религии, самосознание, и т. д.), не должен абсолютизироваться. Каждый из них может, при определенной ситуации, оказаться и самым важным и второстепенным или даже вовсе не играть никакой роли.

Так, например, общность происхождения (и соответственно языка) не препятствовала формированию сербского, хорватского и черногорского народов как родственных, но самостоятельных этносов. В этом случае причины политические и религиозные (сербь и черногорцы — православные, хорваты — католики, боснийцы — мусульмане) оказались сильнее. В то же время в соседнем районе Балканского полуострова различие религии (часть болгар, так называемые «помаки» — мусульмане) не привело к распаденню болгар на два этноса.

Общность языка не препятствовала параллельному существованию немецкой и австрийской или английской и американской наций. С другой стороны, различие языков, на которых говорят четыре группы швейцарцев (германо-швейцарцы, франко-швейцарцы, итало-швейцарцы и ретоманцы), не мешает им чувствовать свое единство.

Чересполосное расселение народов (т. е. отсутствие общности территории) не приводит автоматически к распаденню этносов (ср., например, район Карпат, Поволжье, Приуралье и другие подобные районы). Но и наоборот, существование в рамках одного государства и единой экономической системы (при отсутствии других условий) еще не влечет за собой обязательного возникновения единого этноса. Известна в этом смысле судьба Австро-Венгрии. Политическая и этнокультурная ситуация, которая существовала в этом многонациональном государстве, способствовала не затуханию, а наоборот, укреплению и росту этнического самосознания австрийцев, венгров, чехов, словаков, украинцев, словенцев, хорватов, итальянцев, поляков и др.

Общность или, по крайней мере, явное сближение культурно-бытового уклада многих современных европейских народов не приводит пока ни к ослаблению этнического самосознания, ни к ликвидации этносов и национальных государств.

И, наконец, религия, оставаясь до сих пор для некоторых районов мира существенным этническим показателем, сама по себе еще не определяет консолидации этносов, их слияния или размывания. Так, хорошо известно, что крупнейшие «мировые» религии охватывают значительное число народов, не превращая их вместе с тем в единую этническую общность. И наоборот, консолидации целого ряда этнических общностей не препятствовали религиозные различия, которыми характеризуются составные части некоторых этносов (например, немцы — католики и лютеране, латыши — лютеране, католики и православные, эстонцы — лютеране и православные, абхазы — православные и мусульмане, курды — мусульмане и езиды и т. д.).

Однако все это не означает, что ни один из этих признаков не играет существенной роли, и проблема внутренних связей и единства этноса есть проблема преимущественно психологическая или только антропо-географическая. В зависимости от конкретной этнической (политической, культурной, социальной и т. д.) ситуации каждый из этих признаков может самостоятельно либо в сочетании с другим признаком или в составе целого комплекса признаков играть определенную этнодифференцирующую роль⁴.

⁴ Подобно тому, как любой звук, а не только специальные звуки могут в системе какого-то определенного языка стать фонемой, т. е. смысłodифференцирующим звуком.

Это обстоятельство создает значительные трудности, когда исследователь стремится выделить среди многих черт культуры народа такие, которые могли бы считаться преимущественно этническими. Некоторые из них оказываются как бы недостаточно устойчивыми, другие как бы недостаточно этническими, так как имеют явный экономический или социальный смысл или происхождение, либо находятся в прямой зависимости не столько от этнических традиций народа, сколько от уровня его социально-экономического развития, либо границы их распространения не совпадают с границами одной этнической общности или даже группы родственных этнических общностей.

Важно подчеркнуть, что в конечном счете нет таких этнических признаков, которые были бы порождены спонтанными этническими причинами или имели бы только этнический характер. Все они в конечном счете порождены социально-экономическими, географическими или другими историческими причинами и только приобретают этническое значение под воздействием этнических, региональных или иных традиций и в определенной этнической ситуации.

Таким образом, на весьма существенный для нашей темы вопрос — какие же собственно особенности культуры (в том числе и духовной культуры) могут и должны считаться этническими, мы отвечаем следующим образом: те из них, которыми этносы при данной конкретной ситуации объективно объединяются или же отличаются от других этносов, или те, которые субъективно осознаются как отличающие.

Этническое сознание и этнический аспект социального бытия могут приобретать вполне самостоятельное значение только на уровне теоретического осознания национальных различий, хотя, разумеется, и в этом смысле национальные (обычно превращающиеся в националистические) теории есть сублимация явлений и факторов классовых, социальных, политических и т. п.

Этносы могут объективно различаться по тем или иным признакам, но этим признакам (комплексу признаков) по тем или иным причинам субъективно может приписываться или не приписываться этнодифференцирующая роль. Так, например, объективное представление об этническом облике любого народа в прошлом невозможно без учета его религиозной принадлежности и степени воздействия религии на его быт (семейные отношения, отношения между полами, формы брака и свадебной обрядности, пищевые запреты и т. д. и т. п.). Между тем представители двух народов, исповедовавших одну религию, как мы уже говорили, могли не различать себя по этому признаку (или, точнее, по этой группе признаков). Отсюда следует, что этнический (этнокультурный) облик народа на определенной ступени исторического развития может находиться в сложных соотношениях с состоянием этнического сознания этого народа.

Этнический (этнокультурный) облик народа — это его индивидуальность, неповторимое сочетание форм его культуры (каждая из которых может иметь свой ареал бытования, не совпадающий с границами расселения этноса) в определенный период его развития.

В нем объективно отражается уровень его социально-экономического развития, степень этнической консолидации и культурно-бытовой дифференциации социальных слоев, из которых он образуется, характер его хозяйственной деятельности, взаимоотношение с родственными и соседними народами и т. д.

В противоположность этому этническое сознание — категория социально-психологическая; оно отражает состояние и формы осознания общности этноса, его взаимоотношений с другими этносами, способы самовыделения этноса. Этническое сознание зависит не только от длительных по времени действия социальных и экономических причин, но и от причин более непосредственных, совокупность которых формирует

определенную этническую ситуацию (с каким или какими этносами находится интересующий нас этнос в экономических, социальных, политических, культурных, религиозных и других взаимоотношениях и связях, принимают ли эти связи характер сближения или отталкивания и т. д.). Очень важно при этом, идет ли речь об обостренном, напряженном или ненапряженном, слабо выраженном этническом сознании, об этническом сознании стихийном или приобретающем теоретический и организуемый (политический) характер.

Эта интересная проблема не может быть рассмотрена здесь даже в ее основных аспектах. Ограничимся тем, что подчеркнем необходимость ее конкретного исследования для объяснения того, почему в каждом отдельном случае та или иная черта или особенность культуры (этнического облика) народов имеет или не имеет значение для их взаимного различия, становится не только объективно, но и в субъективном смысле этническим, т. е. этнодифференцирующим признаком.

Таким образом, следует различать этнические признаки как определенные более или менее устойчивые черты культурного облика данного народа в данный исторический период и субъективно осознаваемые этнические различия.

Чрезвычайно существенно, что духовная культура каждого народа есть не только органическая составная часть его культуры как целого, т. е. его этнического облика, но и находится под сильнейшим и непосредственным воздействием того, что мы называем этническим сознанием. Так, например, те или иные обряды могут совершаться по традиции, но могут приобретать и демонстративный характер, если их исполнение подчеркивает этническую принадлежность участников обряда, выделяет их из окружающей иноэтнической среды. Давно замечено, что иноэтническое окружение, особенно при наличии конфликтной ситуации, способствует консервации традиционных форм и духовной, и материальной культуры⁵. Именно это обстоятельство делает так называемые этнические острова предметом особенно увлекательным для этнографического исследования.

Таким образом, этническое сознание, особенно если оно напряжено, может стать частью духовной культуры народа и вместе с тем способствовать идеологизации других форм как материальной, так и, особенно, духовной культуры (язык, религия, обряды, этногонимические предания, эпос, исторические песни; на более поздней стадии — литература, искусство, национально-политические теории и движения и т. д.) и тем самым способствовать консервации или обновлению традиций, закреплению или размытию тех или иных этнических признаков. Или иначе — этническое сознание является не только результатом, но и одним из факторов, воздействующих на этнические процессы (их направление, темп, содержание и т. д.), особенно в области духовной культуры. Вместе с тем граница между явлениями материальной и духовной культуры в этническом аспекте оказывается при таком понимании условной, так как всякое осознание элементов материальной культуры как этнодифференцирующих может придать им идеологический характер, т. е. превратить их одновременно в явления духовной культуры.

Этнические признаки могут охватывать различные стороны культуры этноса. Вместе с тем они обладают разной степенью устойчивости и динамичности, они с разной степенью «жесткости» формируются (детерминируются) и эволюционируют в ходе исторического развития народа.

Вопрос этот требует специального и детального рассмотрения. Предварительно отметим, что по сравнению с большинством форм материаль-

⁵ Такова, например, была группа русских казаков «некрасовцев», ушедшая в Турцию после восстания 1707—1708 гг. и сознательно стремившаяся «не потуречиваться» (см.: Ф. В. Тумилевич, Казаки-некрасовцы, журн. «Дон», 1958, № 8, стр. 134—146; его же, Сказки и предания казаков-некрасовцев, Ростов-на-Дону, 1961).

ной культуры (одни из которых весьма жестко детерминированы развитием производительных сил — например, сельскохозяйственные орудия; другие относительно слабее — например, пища, женские украшения и т. д.) формы духовной культуры, как правило, значительно «свободнее» в своем развитии, дают большой простор для выбора, возникновения параллельных и примерно равноценных в историко-культурном отношении форм. Этот выбор собственно и составляет основу этнических различий в области духовной культуры, когда речь идет о народах, стоящих на примерно одинаковом уровне развития.

Разумеется, этот выбор осуществлялся не произвольно и не отдельными представителями той или иной этнической среды, а складывался в результате коллективной деятельности ряда поколений. Так, например, свадебная обрядность у народов, живущих в примерно одинаковых природных условиях и находящихся на примерно одинаковой ступени общественно-экономического развития, может существенно различаться, по крайней мере, значительно больше различаться, чем свойственные им формы материальной культуры⁶.

Традиционный выбор той или иной формы или шире — системы форм, связанных со спецификой исторического развития идеологии, этнических вкусов, ценностной ориентации той или иной этнической общности и т. д., собственно и определяет возникновение, распространение или изживание этнических различий в области духовной культуры, их относительную устойчивость или динамичность.

Этнические признаки, находящие свое выражение в явлениях духовной культуры (впрочем, так же как и материальной культуры) любого народа, прошедшего больший или меньший исторический путь, не могут быть ему изначально (т. е. генетически) и навеки присущи. Все они возникают в какой-то период жизни этноса, развиваются вместе с ним и могут быть утрачены. Ни один этнический признак не бывает в этом смысле обязательным и потеря его сама по себе не ведет еще к распаду или трансформации этноса (денационализации), ибо, как мы уже говорили, и средоточием этнического сознания, и этнодифференцирующим признаком может быть в равной степени любой другой действительный или даже иллюзорный признак.

С другой стороны, ни один этнический признак теоретически не может быть абсолютно уникальным по своей функции, форме и содержанию, т. е. непредставимым в системе культуры какого-нибудь другого этноса. Уникальными, по-видимому, могут быть только конкретные формы явлений, представляющие собой определенные сочетания признаков, и, разумеется, этнические структуры целых культур. Этнический облик культуры народа формируется обычно из элементов, которые при сопоставлении их с равнофункциональными элементами культуры других народов оказываются либо глобально распространенными, либо присущими ряду народов на определенной ступени развития, либо этническими вариантами этих элементов и каких-то элементов, которые свойственны только конкретной группе народов, определенной историко-этнографической области, или реже — отдельному народу. Поэтому этнические общности, расселенные в отдаленных друг от друга районах, как правило, резче различаются, чем соседи или народы, живущие в более сходных условиях и находящиеся в длительном контакте друг с другом.

Итак, этнические признаки, этнические различия или шире — этнический облик духовной культуры того или иного народа в каждый период его истории формируется весьма сложным путем в ходе социально-экономического развития и в результате взаимодействия этносов, находящихся в культурном контакте.

⁶ Ср., например, сельскохозяйственные орудия и жилище казанских татар и окружающего русского населения и свадебный обряд у тех и других.

В соответствии со сказанным под «этническими процессами», видимо, целесообразно понимать процессы, связанные с изменением этнического (этнокультурного) облика какого-либо народа (т. е. изменение этнического самосознания, социальной структуры, степени однородности, уровня развития, характера и особенностей культуры, интенсивности и механизма контактов с другими этносами и т. д.). Разумеется, изменения эти могут развиваться как в масштабах одного этноса, так и в масштабах группы народов или целых историко-этнографических областей и регионов. Этнические процессы, таким образом, имеют два основных аспекта. Первый из них связан с внутренними изменениями этноса и его культуры по мере развертывания его истории. Второй — с изменениями этнического облика народа в связи с его взаимоотношениями с другими этносами, с которыми он контактирует (взаимодействует или воздействию которого он подвергается). Развитие второго аспекта тесно связано с конкретными этническими ситуациями и с состоянием этнического сознания контактирующих народов.

Духовная культура — это практическое проявление коллективной психологии этнической общности, система форм ее сознания и самосознания. Именно поэтому своеобразие отражения этнических процессов в области духовной культуры определяется помимо иных факторов теснейшей связью большинства форм духовной культуры с языком. Очень важно подчеркнуть, что язык принадлежит к числу наиболее устойчивых этнических признаков, наименее жестко детерминированных социально-экономическими или политическими факторами. С другой стороны, несомненно и элементарно и то, что язык (и прежде всего его социальные функции и лексика) отражает историю народа, характер и интенсивность его связей с соседями, степень его единства (ср. существование или отсутствие наддиалектного литературного языка, его взаимоотношение с диалектами), его социальную дифференциацию, степень его культурного развития, следовательно, этнический облик культуры в конкретный период развития того или иного этноса.

Усвоение «чужих» форм и культурных ценностей (если оно не связано с ассимиляцией этносом значительной этнической группы, способной изменить «естественное» течение процесса), как правило, осуществляется в тех случаях, когда та или иная среда исторически готова сама создать новые формы либо усвоить (переработать) уже готовые, существующие, созданные в сходной ситуации другим этносом. Способность к усвоению иноэтнических культурных достижений повышается в некоторых специфических ситуациях, например, в условиях контакта генетически родственных народов и их культур или народов, находящихся на примерно одинаковой стадии исторического развития.

Взаимообмен культурными достижениями в сфере духовной культуры по сравнению с материальной культурой одновременно и облегчен и затруднен. «Облегчен» потому, что производство или усвоение отдельных форм духовной культуры не связано столь непосредственно с уровнем развития производительных сил и способом производства; «затруднен», так как при этом возникает необходимость преодоления «языкового барьера» и, при известных обстоятельствах, барьера психологического, связанного с культурной, социальной, политической ориентацией этноса в целом или каких-то его составных частей или слоев.

И наконец, необходимо отметить, что отдельные формы духовной культуры по своей природе отличаются большей или меньшей проницаемостью (например, так называемые бытовые сказки, лирические песни и т. д.) или герметичностью (архаические формы героического эпоса, волшебные сказки, календарные обряды и т. д.).

Не подлежит сомнению, что этнические процессы оказывают влияние на определенные формы материальной культуры (поселения, жилище, одежда, пища и т. д.) или выражаются в них. Что же касается духовной

культуры, то она находится в постоянном взаимодействии со всем кругом факторов, которые на данном отрезке истории народа приобретают этнический характер или этническое значение. Примечательно, что целый ряд явлений современной материальной культуры бытует в глобальном масштабе или, по крайней мере, в пределах весьма широких историко-этнографических регионов. В то же время, несмотря на наличие весьма активного обмена в области духовной культуры, многие явления, приобретая интернациональный характер, одновременно не теряют способности сохранять национальную форму или воплощаться в более или менее выразительных национальных вариантах. С наибольшей отчетливостью это наблюдается именно в формах духовной культуры, связанных с языком (фольклор, литература, театр, художественная кинематография, современная пресса, система народного образования и т. д.) или более непосредственно обусловленных специфическими психологическими особенностями народа (орнамент, хореография, музыка) и менее ощутимо в формах, которые хоть и используют язык, но не связаны с ним внутренне и поэтому легче допускают возможность перевода в другую языковую систему (например, эстетическая теория в отличие от поэзии, научная историография в отличие от исторического романа, «деловая» проза в отличие от художественной и т. д.).

В сфере духовной культуры параллельно с современным процессом глобальной стандартизации и нивелировки и, несмотря на непрерывное нарастание интенсивности межэтнических связей, развивается процесс разветвления интернациональной культуры в ее национальных вариантах. Помимо прямого усвоения многих явлений и форм, постоянно имеет место создание параллельных (подобных, сходных и т. д.) и типологически близких форм.

Все это обуславливает значительные сложности не только для детализированного исследования, но даже и для простого различия форм, воспринятых у другого этноса, и национальных вариантов интернациональных форм (как возникших конвергентно, так и под иноэтническим влиянием).

Отмеченная выше тесная связь явлений духовной культуры с языком определяет еще одну очень важную особенность ее — возможность возникновения при определенной ситуации культурного двуязычия (в отдельных случаях даже трехязычия), т. е. параллельного использования двух (или более) языков в различных формах духовной культуры одного народа.

Культурное двуязычие этноса следует отличать от индивидуального двуязычия или двуязычия в какой-либо специальной профессиональной области (например, в прошлом — профессиональное двуязычие врачей). Оно означает ситуацию, при которой в развивающейся и единой системе духовной культуры народа определенные функциональные и структурные элементы обслуживаются разными (по крайней мере двумя) языками. Подобная ситуация как бы переносит межэтнические отношения внутрь культуры этноса, превращает их в структурные элементы этнического облика народа.

Изучение современных этнических процессов в СССР в области духовной культуры сопряжено со значительными трудностями не только теоретического, но и практического характера. Рассмотрим некоторые из них.

Современные этнографические описания народов СССР, по вполне понятным причинам, уделяют значительно больше внимания общим культурно-бытовым изменениям и их сопоставлению с традиционными формами культуры того или иного народа, чем рассмотрению этих изменений в этническом аспекте. Характерно, что в обширных томах серии «Народы мира», посвященных народам Советского Союза, описание отдельных народов сочетается обычно с общими очерками этнической

истории в масштабе региона или группы народов (Сибирь, Кавказ, Средняя Азия, Европейская часть СССР), причем этническим особенностям материальной культуры уделяется здесь значительно больше места, чем аналогичным чертам духовной культуры. Что же касается этнических проблем духовной культуры, то дело обычно ограничивается самыми общими соображениями, разрозненными наблюдениями или предварительными впечатлениями, которые мало помогают уяснению основных закономерностей. Систематическая же разработка этой проблемы, по существу, не велась.

Возможно, что известную роль при этом сыграло весьма решительное мнение П. И. Кушнера, сформулированное им в его заслуженно авторитетной книге «Этнические территории и этнические границы»: «Так же (как в области общественных отношений) неустойчиво и малодекаательно для установления этнических различий большинство явлений духовной культуры»⁷. П. И. Кушнер возлагал надежды на развитие этнографического картографирования. Он констатировал: «...этнографы накопили большой описательный материал о самих этих явлениях, но не уделяли особого внимания выяснению точных границ распространения»⁸. С тех пор положение почти не изменилось. Картографирование явлений духовной культуры по-прежнему лишь значит в перспективных планах этнографических учреждений Советского Союза. Впрочем, если можно надеяться, что в некоторых случаях ареалы бытования отдельных явлений хорошо впишутся в границы территорий этнических общностей или покажут их членение, то в других случаях они, несомненно, охватят целые группы народов и границы их распространения не совпадут с этническими границами (ср., например, широкую область распространения колядования, охватывающую значительную часть славян, румын и балканских народов неславянского происхождения, область распространения нартского эпоса, «Кёроглы» — «Гуругли», области распространения наиболее популярных сюжетов сказок, эпоса и т. д.). Одним словом, как ни полезно этнографическое картографирование для выяснения вопросов этнической истории, оно не снимает проблему, которой мы уже касались, — соотношения динамики отдельных этнических признаков и этнического облика культуры народов в целом. Кроме того, до сих пор не выяснены возможности применения картографического метода для изучения отражения именно современных этнических процессов в области духовной культуры. Может оказаться, что они весьма ограничены.

К сожалению, мало дают в этом отношении и материалы этнографических экспедиций последних лет. Изучение этнических процессов в области современной духовной культуры народов СССР не формулировалось как специальная задача, и собирание материалов не велось по единой продуманной системе.

Отметим также, что собранные факты очень часто касаются таких этнических групп и этнических общностей, для которых характерна большая или меньшая неустойчивость этнического сознания или самоопределения. Что же касается наиболее крупных наций, особенно наций, расселенных компактно, отличающихся определенностью и устойчивостью этнического сознания и переживающих процесс дальнейшей этнической консолидации (в том числе и повышения степени культурной однородности и развертывания современных форм культуры), то факты, важные для характеристики процесса изменения их этнического облика и характера взаимоотношений с другими этническими общностями в сфере духовной культуры, собираются еще менее систематично. Видимо,

⁷ П. И. Кушнер, Этнические территории и этнические границы, М., 1951, стр. 9

⁸ Там же.

здесь сказалась неоднократно формулировавшаяся точка зрения, согласно которой этническими можно назвать только процессы, связанные с изменением этнического самосознания (в конечном счете, этнической принадлежности) или приводящие к подобным изменениям. Сторонники такого подхода считают, что нет оснований говорить об этнических процессах, когда речь идет, например, о русских после XVI—XVII вв., самосознание и самоназвание которых с тех пор не менялось.

Такая точка зрения расходится с нашим пониманием проблемы. Известно, что за последние столетия, так же как и раньше, продолжала изменяться этническая территория русских, характер их расселения по отношению к другим народам, структура и степень единства самой этнической общности в локальном и социальном плане, характер и тип связи с другими народами, как соседними, так и более отдаленными, соотношение городского и сельского населения, соотношение локальных и общерусских форм культуры, активность вступления в браки с представителями других национальностей, роль русского языка и русской культуры в революционных общероссийских и общесоветских рамках и, наоборот, степень участия представителей других наций и народностей в создании русской культуры.

Значительно больше для изучения этнических процессов в области духовной культуры сделано фольклористами (словесниками и музыковедами), специалистами по народному искусству и представителями наук, занимающихся изучением профессиональных форм культуры — литературоведами, искусствоведами, театроведами. Однако если можно констатировать, что в литературоведении в последнее десятилетие возрос интерес к межэтническим связям, влияниям и взаимоотношениям (вышло несколько книг и несколько десятков теоретических статей), то в фольклористике, несмотря на заметное оживление историко-сравнительных изучений, они пока почти не затрагивают современности.

Так же как в диалектологии (и до сравнительно недавнего времени в этнографии), изучение современной этнокультурной ситуации обычно приносится в жертву историческим реконструкциям фольклорной традиции в ее «нормальном», классическом, «чистом» виде. Элементы иноэтнические, где только возможно, экстраполируются, хотя никто еще не доказал, что когда-либо существовала этнически «чистая» традиция. Примерно так же оцениваются и факты явного влияния профессиональной литературы и музыки на современные фольклорные формы. Впрочем, и в области изучения традиционного фольклора можно констатировать атрофию интереса к этнической проблематике. Разочарование в компаративистских методах, популярных в XIX в., или в методах старой так называемой финской историко-географической школы привело в советской фольклористике (впрочем, так же как и в фольклористике большинства европейских стран) к формированию двух в равной степени односторонних направлений. Сторонники одного из них заняты изучением фольклора одного народа и практически игнорируют наличие в нем элементов интернациональных, региональных или просто заимствованных. Сторонники другого направления склонны трактовать глобальные сюжеты как сюжеты внеэтнические. И наконец, несмотря на многократные дискуссии, до сих пор появилось очень мало работ, которые рассматривали бы современные фольклорные явления не изолированно, а на более или менее широком фоне литературных, полулитературных или гибридных форм, получивших распространение в быту народов СССР в ходе культурной революции. Между тем именно в этих формах с наибольшей отчетливостью отражаются современные этнические процессы.

В самые последние годы появился целый ряд работ в смежных с этнографией науках — философии, лингвистике, социологии, которые содержат некоторые обобщения, важные для осмысления современных

этнических процессов в области духовной культуры. Однако в работах философов мы встречаемся, как правило, с общей теорией развития социалистических наций или общей теорией развития духовной культуры народов СССР в период строительства социализма и перехода от социализма к коммунизму, а не с исследованием реальных процессов этнического развития и межэтнических отношений в их действительной сложности и многообразии этнических вариантов проявления закономерностей, общих для всех народов.

Особенно значительны успехи современной социалингвистики. Здесь можно говорить о возникновении современной теории функционального развития языка, диглоссии и билингвизма (т. е. различных видов двуязычия) и начале более или менее широких работ по изучению современных этносоциально-языковых процессов. Эти работы чрезвычайно важны для уяснения общих закономерностей отражения этнических процессов в духовной культуре народов СССР.

Что же касается работ этносоциологического плана, то они сравнительно недавно начались и первые результаты их только начинают публиковаться. Можно надеяться, что в ближайшем будущем будет создана более или менее надежная база для изучения социального аспекта этнических процессов, в том числе и в интересующей нас сфере духовной культуры, хотя бы для некоторых районов Советского Союза (Татария, Удмуртия и др.).

Издающиеся статистические сборники как всесоюзного, так и республиканского характера помогают получить представление об общем ходе, о некоторых сторонах и особенностях развития духовной культуры народов СССР (например, показатели выравнивания уровня развития народного образования, состояние учреждений культуры, национальный состав кадров и т. д.), однако обычно все ведущие показатели обобщены по республикам и областям и не дифференцированы по отдельным народам. Между тем для изучения современных этнических процессов чрезвычайно важна именно подобная общая этническая характеристика. Так, например, этнический облик современной культуры армян не может быть охарактеризован цифровыми показателями, относящимися к Армянской ССР, хотя бы потому, что более 40% армян живет за ее пределами. Без детальных обследований на местах невозможно собрать также, например, достаточно достоверные данные о национальном составе деятелей культуры — учителей, культпросветработников, артистов, художников, писателей и т. д. в отдельных республиках, областях и районах, выяснить соотношение национальных языков и двуязычия в различных сферах духовной культуры.

Большим достижением в этом смысле явилось включение в перепись 1970 г. специальных вопросов, которые позволяют судить об общих масштабах распространения двуязычия в нашей стране.

Если этнические (национальные) взаимоотношения в области современных профессиональных форм культуры в некоторых своих аспектах изучаются (литература, искусство, процесс формирования национальных кадров и т. д.) и отчасти отражаются в текущей статистике, то значительно хуже мы знаем состояние массовых (бытовых) форм создания и особенно «потребления» духовной культуры, которые особенно важны в системе этнографического исследования современных этнических процессов.

Общественное разделение труда в области духовного производства и вычленение определенных форм духовной культуры из быта привело к возникновению специфического культурного дуализма, т. е. параллельного существования бытовых и профессиональных форм культуры (народные знания и наука, фольклор и литература, народное искусство и профессиональное искусство, верования и теология, бытовые обряды и церковь и т. д. и т. д.). При подобной ситуации, которая характерна в

настоящее время для большинства народов мира, очень важной становится проблема функциональных взаимоотношений бытовых и профессиональных форм культуры. Именно типы этих взаимоотношений в конечном счете характеризуют структуру духовной культуры каждой этнической общности, ее социальный и этнический облик, роль ее во внутренней жизни этноса и в механике межэтнических связей и отношений, т. е. в процессах, которые мы называем этническими.

Известно, что в ходе исторического процесса могут возникать и при некоторых ситуациях возникали обобщенные формы духовной культуры бытового уровня, охватывавшие всю этническую общность (народность, нацию). Таковы, например, так называемые интрадиалекты, наддиалектные формы устной речи (койнэ), общий фольклорно-сюжетный репертуар, общие черты народного изобразительного искусства и т. д. Только более или менее развитым профессиональным формам духовной культуры удается выработать действительно обобщенные формы, обретающие значения для всего этноса. Именно они, особенно при определенных социально-политических и этнокультурных ситуациях, играют весьма важную роль в процессе формирования этнического сознания современных наций и в процессе этнической консолидации духовной культуры, т. е. выработки однотипности форм духовной жизни этноса. Вспомним, например, какую роль играли в процессе консолидации ряда европейских народов проблемы национального литературного языка и национальной литературы (финны, чехи, словаки, венгры, литовцы и т. д.). В то же самое время роль профессиональных форм духовной культуры в прошлом резко ограничивалась неграмотностью наиболее многочисленных социальных слоев этноса, сосредоточенностью профессиональной культуры в городах, элитарностью ее и другими факторами, которые еще предстоит систематически исследовать. Сейчас же важно подчеркнуть, что для характеристики типа духовной культуры той или иной этнической общности важно выяснить не только общие очертания структуры духовной культуры, но и степень и характер проникновения достижений профессиональной культуры в быт народа, т. е. функциональные взаимоотношения бытовых и профессиональных форм не только в сфере «производства», но и в сфере «потребления» духовной культуры.

Таков наш взгляд на некоторые теоретические и практические вопросы, возникающие в связи с поставленной темой.

ETHNIC UNIT ETHNIC CONSCIOUSNESS AND CERTAIN PROBLEMS OF INTELLECTUAL CULTURE

The concepts of «ethnic unit», «ethnic features» and «ethnic consciousness» are examined in the article in application to problems of intellectual culture. Objective indicators distinguishing the ethnos — unity of origin, of territory, of economic ties, of language, forms of culture — may, in various ethnocultural situations, appear in complex combinations or be reduced to a minimum. Any one of them may become ideologized, i. e. become an element of ethnic consciousness and play the role of ethnic differentiation.

The author particularly stresses the importance of language and forms linked with language in the modern system of intellectual culture. Two parallel processes are taking place here — a world-wide levelling of forms of culture and a development of its national variants. A modern typology of forms of intellectual culture should also take into account the role, degree and character of culture, bilingualism and the functional interrelation of professional and traditional forms.